

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-01-00386а)

Отражены результаты исследования дискурса историографических источников как единого информационного объекта для выявления всех видов информации, содержащейся в нем, и выстраивание модели информационного поля историка. Оригинальность подхода основывается на смещении фокуса исследования в область информационного потенциала языкового кода текста. Основным результатом стало выявление возможностей применения информационного подхода, а также применение лингвистических методик для «развертывания» латентной информации, содержащейся в историографическом тексте.

Развитие современной науки в последнее время все чаще и чаще связывается с понятием междисциплинарности – взаимодействием научных дисциплин. Особенно это актуально для наук гуманитарного цикла, изначально связанных с проблемами изучения человека. Тенденция к междисциплинарному синтезу обнаруживает себя на всем протяжении XX в., но наиболее четко она начинает проявляться в последние десятилетия. В это время становятся актуальными принципиально междисциплинарные понятия, такие как *картина мира, информация, текст, коммуникация* и другие, связанные с феноменом человеческого мышления и позволяющие по-новому взглянуть на уже известные вещи.

Несмотря на все усиливающуюся специализацию гуманитарных наук, общим для них остается не только объект изучения, но и материал – вещные проявления человека и, соответственно, методы работы с ними. Таковыми, например, являются методы работы с нарративными источниками – текстами. Традиционно тексты изучаются науками филологического цикла, но во всех других гуманитарных областях невозможно обойтись без текстового анализа, так как в качестве источников материала выступают именно тексты на естественном языке. В этой связи мы полагаем, что имеет смысл говорить о принципиальной междисциплинарности лингвистических методов работы с текстами.

Настоящая статья посвящена анализу историографического источника с позиций теории информации. Мы исходим из того, что любой текстовый (в том числе и историографический) источник – это результат деятельности человека по отбору, осмыслению, накоплению и кодированию информации. Историографический текст отражает картину мира его автора, включающую как фактографическую информационную составляющую, так и субъективные смыслы, передающие информацию об авторском отношении к объекту описания. Модель мира, представленная в тексте, может быть максимально эксплицирована посредством применения информационного подхода, предполагающего применение междисциплинарных методик анализа.

Данный подход в нашем случае базируется на привлечении категорий, непосредственно связанных с информационными взаимодействиями. Такими категориями являются *информационное поле* и *информационная среда*, в которой существует источник и его автор. Информационное поле представляет собой часть информационной среды общества (эпохи) и определяется объемом информации, которой владеет человек, дос-

тупными ему каналами получения информации, характером и способами информационных взаимодействий. Характер и объем информационного поля зависят от многих социокультурных, экономических и политических факторов. Существование и различие информационных полей напрямую связано с неравномерностью распределения информации в различных источниках, относящихся к одному периоду. Мы полагаем, что *информационное поле* (как и информационная среда) в свою очередь тесно связано с понятием картины мира. Информационное поле субъекта – это наиболее актуальная часть его картины мира, связанная с функционированием структур знания, это представления об объективном мире и происходящих в нем событиях. Информационное поле, его объем, структура неизбежно отражаются в текстах, продуцируемых субъектом в виде фактографической информации. Информационная среда – это совокупность информационных полей, это часть социокультурной модели мира, в которой представлены структуры знания.

Исследование текстового источника с позиций теории информации и моделирование информационного поля (информационной среды) позволит выявить соотношение объективной (информационное поле) и субъективной (авторские интенции) информации в текстовом источнике, определить степень авторской заинтересованности в моделировании информационных потоков и сопоставить информационные поля разных источников.

Одним из широко применяемых в различных гуманитарных сферах прикладных лингвистических методов является вариант аспектиализованного семантического анализа, или *контент-анализ*. Данная методика, начиная с 50-х гг. XX в., активно используется практически во всех науках, практикующих анализ текстовых источников, получая, таким образом, статус междисциплинарного метода. А.Н. Баранов отмечает: «По сути контент-анализ использует лингвистическую информацию о характеристиках текста и пытается выявить его семантические особенности» [1. С. 247]. Этот метод признается одним из наиболее аналитичных и в силу этого подходит для обработки больших информационных потоков. Методика контент-анализа схематична и прозрачна, связано это, прежде всего, с тем, что основа этого метода – количественная обработка текста.

В качестве материала информационного исследования не случайно привлечены труды русских историков. Историографический источник – это источник особого

типа: он создается с целью передачи нескольких видов информации: во-первых, исторической, общественно значимой, а во-вторых, внутринаучной рефлексии истории. При этом информация в таком источнике представляется как объективная, автор претендует на непредвзятое изложение событий, научную позицию по отношению к описываемому. Мы полагаем, что историографический текст помимо открытой информации содержит значительный пласт информации латентной, позволяющей раскрыть способы моделирования восприятия исторических событий, личностей.

XVIII столетие по праву считается временем становления национальной исторической науки в России. Процесс превращения средневековой российской историографии в научную в первую очередь базировался на внедрении новоевропейского рационального способа мышления. Сам процесс протекал как бы на двух уровнях: в виде упрочения так называемой большой (общерусской) историографии и историографии провинциальной. Между этими субисториографиями устанавливались определенные взаимосвязи, одинаково значимые для исторической мысли в целом [2].

Анализ творчества провинциальных историков показывает, что они занимались в основном сбором эмпирического материала, создавая тем самым источниковую базу для развития столичной историографии (См. по этому вопросу [2, 3]). Развитию источниковедения, сбору эмпирического материала содействовала политика русских цариц Елизаветы Петровны и Екатерины II, которые предприняли ряд мер для сбора «русской старины». Необходимость собирания источников обосновывалась научно-познавательными задачами. Главной же задачей историка становится задача источниковой обеспеченности трудов, пронизанных новыми методологическими подходами к изучению прошлого.

Во второй половине XVIII столетия начала развиваться кружковая деятельность, положившая начало формированию профессионального сообщества историков в России. Любопытно, что первые исторические кружки возникли практически одновременно: в столице – «Общество истории и древностей российских», в провинции – кружок архангелогородских любителей старины «Общества для исторических исследований». Возникновение обществ стало результатом развития науки, возрастающего интереса к прошлому и потребностей в просвещении народа. Общественные деятели второй половины XVIII в. искали организационные формы, которые дали бы возможность бороться за просвещение в условиях относительной независимости от государственного аппарата [4]. Одной из таких форм и стали «вольные» научные общества.

Наиболее яркими представителями провинциальной историографии являлись историки-самоучки В.В. Крестинин, И.И. Голиков и др. Имя И.И. Голикова, хорошо знакомое образованному обществу конца XVIII – первой половины XIX в., в отечественную историографию вошло прежде всего благодаря его уникальному 30-томному сочинению о Петре I и его эпохе. Этот труд оказался наиболее значительным среди всех публикаций о петровской эпохе из работ, появившихся после смерти реформатора, и примерно на полвека определил основные направления в изучении истории Петра Великого.

Проблема взаимоотношений столичной и провинциальной историографий слабо исследована в современной науке. Мы полагаем, что традиционная точка зрения на провинциальную историографию как вторичную по отношению к столичной несколько неточна. Провинциальная историография сделала не менее значимый вклад в становление российской исторической науки. Утверждение о заимствовании провинциальными историками текстов и идей столичных историографов, оценка реальной роли провинциальных историков в становлении российской историографии требуют проведения комплексного междисциплинарного исследования. Информационный анализ историографического источника позволит выявить характер взаимоотношений столичной и провинциальной историографии в России во второй половине XVIII в.

В качестве материала для анализа были взяты следующие тексты:

1) «Опровержение страленберговских нареканий на Петра Великого» И.И. Голикова (текст объемом 20079 словоупотреблений, 470 Кб).

2) «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина (20119, 475 Кб).

3) «Труды по русской истории. 6. Примечания [на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера 1757 г.]» М.В. Ломоносова (8453, 190 Кб).

4) «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова (18509, 415 Кб).

Все анализируемые в работе тексты связаны с эпохой Петра I, освещением и оценкой его деятельности. В контексте общего историографического процесса труды историков о Петре I – прямой результат усилий самого царя, направленных на внедрение в традиционную русскую культуру новоевропейского научного сознания. Петровский эксперимент положил начало формированию в XVIII в. своеобразной национальной модели рационалистической исторической мысли. В зависимости от своего опыта, авторы XVIII в. освещали разные аспекты деятельности государей. Эти различия определили своеобразную специализацию в исследовательском труде. Изучение роли правителей и дворянства в общегосударственном масштабе занимало имперскую историографию. Провинциальная историография дополняла ее освещением политики монархов в отдельных землях, в сословном строительстве, в экономической и других сферах.

Как уже упоминалось выше, историография XVIII в. отражает процесс превращения средневековой российской историографии в научную, основанную на внедрении рационального способа мышления. Этот способ определяется как научный в силу того, что отвечает определенным критериям, включающим, в первую очередь, опору на широкую фактографию, стремление к объективации знания за счет приведения данных из других научных источников, логическую систему аргументации, отказа от эмоциональной авторской оценки событий. «В попытке избежать теоретического априоризма историк вынужден оперировать лишь теми обобщениями, которые имеют непосредственное эмпирическое подтверждение» [5]. В. Петров пишет: «История в ее современном виде, как и многие другие классические научные дисциплины,

сложилась в XVIII–XIX столетии. <...> К этому времени историки уже достаточно ясно осознавали цели и задачи своей науки, а также те специфические трудности и проблемы, которые вставали на пути их достижения. Был сформирован и основной корпус методов и принципов исторического исследования. <...> Формой такого познания была так называемая “история-рассказ”: изложение в хронологической последовательности всех значительных событий прошлого» [5].

Становление науки, научного мышления, научного представления знания тесно связано с формированием основных параметров научного дискурса: способов представления научных результатов в текстах. Научный текст должен отвечать некоторым обязательным требованиям, которые в современном научном дискурсе вполне четко осознаются, во-первых, как способы построения научного текста, отвечающие основным параметрам научного рассуждения, и, во-вторых, как языковые черты научного стиля речи.

Мы считаем, что позиционирование русской провинциальной историографии как вторичной по отношению к столичной неизбежно должно было отразиться на качестве построения текста историографического источника, принадлежащего провинциальному автору. В свете формирования принципов научности в русской историографии в большей степени этим принципам должны отвечать тексты столичных историографов, нежели провинциальных.

Поэтому мы полагаем, что на начальных этапах построения информационного поля историографического источника как источника научного, необходимо, *во-первых*, определить основные параметры объективной фактографической информации, содержащейся в текстах.

Для передачи такого рода информации в языке существуют определенные группы лексики, как, например, различные *имена собственные*: антропонимы, топонимы, которые позволяют однозначно назвать конкретный объект и направить на него внимание. Уточнить фактографические параметры текста позволяют *единицы с количественной семантикой*. В первую очередь это касается числительных, обозначающих *даты* – этот тип языковых конструкций позволяет установить точную референцию временных координат. Немалое значение для историографического текста имеет и точное обозначение количества чего-либо, выражаемое посредством использования количественных числительных. *Единицы, обозначающие время*, конечно же, не столь точно указывают на временной отрезок, как числительные, но, тем не менее, свидетельствуют о том, что автор пытается дифференцировать временной поток, соотносить его с событийным рядом.

Во-вторых, информационное поле текста (и, соответственно, автора) во многом определяется не только количеством и составом лексем, имеющих точную референцию, но и ссылками на другие тексты, привлекаемые в качестве источников информации – *цитатами*. Определение характера цитации позволит выявить контрагентов автора текста в информационном взаимодействии и качество информации, получаемой от него. В этом случае актуальной является проблема достоверности исторических свидетельств. Требование достоверности ведет к тому, что историк обязан включать в научный текст точные ссылки на письменные свидетельства.

В-третьих, для определения соотношения объективной и субъективной информации в тексте, а также для выявления уровня его научной аналитичности, по нашему мнению, важно определить характер *оценочности*. Как отмечают многие исследователи, историческое описание событий не может быть свободным от авторской оценки: «История и историки не могут отказаться от оценочных суждений относительно тех или иных действий различных индивидов и общественных групп. Но основанием для таких суждений может быть только понимание мотивов субъектов исторических действий и причин исторических событий» [5].

Аксиологическая деятельность человека является непрерывной, но имеет поэтапный характер и представляет собой два основных вида операций по обработке информации: первичная обработка сенсорной информации сменяется аналитической категоризацией [6]. В этой связи принято говорить о двух типах оценки: сенсорной и рациональной. Сенсорная оценка тесно связана с эмоциями субъекта, она не опирается на внешние параметры и условия, она целиком и полностью выражает субъективное отношение автора текста к описываемому событию, факту, явлению [7. С. 190]. Лексические единицы, выражающие эмоционально-оценочное отношение говорящего, как правило, способны вызвать у адресата эмоциональную реакцию, ориентированы на экспрессивное воздействие.

Во втором случае оценка представляет собой результат анализа первичных ощущений, перевод на уровень абстрактного мышления и рационализацию оценки, ориентированность на логику, рациональное осмысление и стремление к объективности при опоре на общественные представления о норме. Она отражает объективные, выработанные этническим коллективом представления о нормальном развитии событий.

Безусловно, всякий текст содержит лексические единицы, выражающие оба типа оценки, но соотношение их различно в зависимости от функциональной направленности текста. Научный текст ориентирован, в первую очередь, на передачу объективной информации, на создание рациональной модели объекта описания, поэтому эмоциональная оценка должна проявляться в нем в наименьшей степени. На создание эмоционального образа в большей степени ориентирован текст литературный и публицистический.

В-четвертых, кроме представленных лексически параметров историографического текста, можно предположить, что субъективные и объективные установки авторов проявляются и на уровне менее очевидном – на уровне коммуникативной организации текстового пространства, проявляющейся в семантике *местоимений* и *грамматических маркерах*. Эти неявные параметры текста позволяют делать выводы о *субъективной информации*: психологических установках автора и его собственном позиционировании по отношению к потенциальному читателю.

Первым этапом описания информационных полей, представленных в текстах историографических источников, является выявление референтных языковых единиц.

В табл. 1 представлено общее распределение по текстам лексики названных групп, %:

Группа	Карамзин	Голиков	Ломоносов	Щербатов
Антропонимы	1,869	1,519	6,365	4,506
Топонимы	3,280	1,848	2,402	1,307
Время	0,934	0,583	1,301	0,529
Число	1,581	1,340	2,981	0,962

Как можно убедиться на основании количественного анализа, распределение тематических групп по текстам весьма неравномерное. Это свидетельствует о различной степени фактографичности текстов. Наиболее высокий показатель по всем тематическим группам наблюдается в тексте М.В. Ломоносова, и на этом основании мы можем сделать вывод о том, что здесь с наибольшей точностью описаны наиболее объемные референтные области. При этом в тексте М.В. Ломоносова, равно как и в тексте М. Щербатова, группа антропонимов почти в три раза превышает группу топонимов, что свидетельствует о хронологическом, историческом характере передаваемой информации. В тексте Н.М. Карамзина напротив, слова-топонимы встречаются вдвое чаще, что может свидетельствовать о широте географического охвата и об освещении событий, связанных не столько с конкретными людьми, сколько с целыми народами, странами. В тексте И.И. Голикова эти группы примерно равны и невелики по объему. В тексте М. Щербатова общее количество единиц обозначения времени и количества меньше, нежели в текстах других авторов.

По составу выделенные группы также различаются. В группе «*Антропонимы*» нами были выделены подкатегории, позволяющие классифицировать все антропонимы по временной и пространственной отнесенности.

Подкатегория «*Российские имена*» (около 250 единиц) включает имена собственные, имеющие отношение к России и российской истории. В данной группе на основании хронологической отнесенности имен можно выделить еще две тематические подгруппы: 1) имена, отражающие события древней истории России, и 2) имена, отражающие события, близкие к эпохе Петра I.

Имена первой подгруппы более частотны и разнообразны в тексте Н.М. Карамзина, что, вероятно, свидетельствует о том, что другие авторы в большей степени сосредоточены на задаче описания царствования Петра Великого. Имена второй подгруппы в большей степени представлены в тексте М. Щербатова. Это имена русских аристократов, культурных и политических деятелей. Примечательно, что именование в текстах М. Щербатова отличается скрупулезностью: он называет не только фамилии, но полные имена и отчества. Чуть менее разнообразен состав анализируемых имен в текстах М.В. Ломоносова. Далее по разнообразию употребляемых имен следует текст И.И. Голикова, наименьшее количество имен наблюдается в тексте Н.М. Карамзина. На основании этого можно сделать следующий вывод: тексты Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова ориентированы на освещение всей российской истории, не сосредотачиваются только на петровской эпохе. На описание более локального временного периода ориентированы тексты И.И. Голикова и М. Щербатова, при этом М. Щербатов очень детализированно воспроизводит исторические частности.

Подкатегория «*Европейские имена*» (около 40 единиц) состоит из имен европейских ученых, имен правителей и политических деятелей. Наиболее разнообразны европейские имена в тексте И.И. Голикова, как правило, это имена европейских ученых, к текстам которых обращается автор как к источнику информации. На втором месте по разнообразию употребляемых имен – Н.М. Карамзин, в его текстах встречаются, как правило, имена правителей. В текстах М.В. Ломоносова соотношение этих подгрупп приблизительно равно. В текстах М. Щербатова европейские имена употребляются единично в контекстах перечисления.

Подкатегория «*Античные имена*» (20 единиц) включает в себя все имена собственные, относящиеся к периоду античности. Эта группа содержит мифологические имена, имена писателей и ученых, имена римских императоров и т.п. Некоторые имена собственные имеют форму множественного числа и выполняют предикативную функцию, в данном случае мы имеем дело с метафорическим использованием антропонима: такое имя указывает не на конкретную историческую личность, а на типичные черты, характеризующие объект описания. Нужно отметить, что античные имена более разнообразны в тексте И.И. Голикова (около 50% всех имен собственных), затем в тексте М. Щербатова, Н.М. Карамзина и наименьшее их количество в тексте М.В. Ломоносова (около 15%).

В отношении подкатегории «*Библейские имена*» наблюдается подобная ситуация: большая часть имен используется в тексте И.И. Голикова, следующий по частотности употребления – текст М.В. Ломоносова. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что история античности, история христианства, библейские тексты были одной из наиболее доступных традиционных информационных областей.

Подкатегория «*Азиатские имена*» включает антропонимы, бытующие на востоке. Это совсем небольшая группа имен и встречаются они только в тексте И.И. Голикова, так как он привлекает сюжет из истории Турции для сопоставления с историей России.

Итак, несмотря на то, что каждый из анализируемых текстов тематически связан с эпохой Петра I, хронологический охват в них различен. То же самое можно сказать и об «антропонимической географии» анализируемых текстов. Можно отметить также, что общая частотность употребления имен собственных не дает истинного представления о широте общей референции текста, информационных потоках, его формирующих: несмотря на то, что в тексте И.И. Голикова фиксируется наименьшее количество употреблений антропонимов, их состав более разнообразен тематически, нежели, например, в тексте М. Щербатова.

Состав группы «*Топонимы*» столь же неоднороден и здесь также оптимальным для анализа будет выделение нескольких тематических подкатегорий.

Подкатегория «Европа» (около 150 единиц) включает лексемы, называющие европейские страны, города, реки и пр. Наиболее разнообразны европейские топонимы в тексте Н.М. Карамзина (50), затем в тексте М. Щербатова (46), И.И. Голикова (40) и наименьшее их количество наблюдается в тексте М.В. Ломоносова (31). Соотношение различных тематических подгрупп в текстах всех авторов равно, нельзя говорить о преобладании какой-либо подгруппы в одном из текстов, что говорит о подобной географической референтности текстов.

Подкатегория «Россия» (около 70 единиц) включает топонимы, относящиеся, соответственно, к территории Российского государства. Наиболее частотно и разнообразно этот вид лексики представлен в тексте М.В. Ломоносова (40), затем в тексте И.И. Голикова (32), Н.М. Карамзина (28) и М. Щербатова (26). Распределение единиц, входящих в подгруппы внутри текстов, также примерно равное и не позволяет говорить о топонимической специфичности какого-либо из них.

Подкатегория «Азия» (около 50 единиц) включает имена, относящиеся к территории, на которых проживают народы восточной культуры. Это самая малочисленная группа. Географический охват здесь достаточно широк: от Средней Азии до Дальнего Востока. В отличие от предыдущих случаев эти слова существенно преобладают в тексте И.И. Голикова (25), при этом в нем наблюдается приблизительно равное соотношение топонимов и этнонимов Ближнего, Дальнего Востока и Средней Азии. В текстах других авторов количество подобных единиц равно 10–12 (при том же соотношении).

Кроме названных подкатегорий в текстах Н.М. Карамзина, И.И. Голикова и М. Щербатова наблюдаются единичные вкрапления, которые можно отнести к библейским текстам. Данные единицы выполняют в тексте метафорическую, символическую функцию, не являясь, по сути, единицами фактографическими.

В результате анализа группы топонимов можно подвести итоги: географический охват в анализируемых текстах неравномерен. В текстах Н.М. Карамзина преобладают европейские топонимы, что позволяет говорить о некоторой «географической локализации» повествования. Подобное распределение наблюдается и в тексте М. Щербатова. В тексте И.И. Голикова разница между группами не столь велика, что свидетельствует о равномерности «географического взгляда». В тексте М.В. Ломоносова наблюдается некоторое фокусирование на российской топонимике.

Интересным представляется проследить количественное соотношение лексики двух основных категорий (антропонимы/топонимы) в текстах. Текст Н.М. Карамзина ориентирован в большей степени на географичность: количество топонимов (в большинстве своем европейских) почти в 2 раза (1: 1,7) превышает количество имен собственных. Текст И.И. Голикова характеризуется большей пропорциональностью соотношения (1: 1,2). Кроме того, не следует забывать, что этот текст отличается большим разнообразием употребляемых антропонимов и топонимов. В текстах М.В. Ломоносова и М. Щербатова наблюдается другая пропорция (1 : 0,3) – антропонимов здесь в 3 раза больше, нежели топонимов, это свидетельствует о направленности авторов, в первую очередь, на сюжеты, связанные с отдель-

ными конкретными людьми, на личностную детализацию исторического описания. В большей степени это относится к тексту М. Щербатова, который характеризуется самым большим количеством российских антропонимов и меньшим – российских топонимов.

При описании группы «Время» мы также можем произвести внутреннюю классификацию единиц и выделить подкатегории: 1) числовое обозначение даты (1715); 2) слова, обозначающие временные отрезки (*час, день*); 3) видовые названия определенных временных отрезков (*понедельник, февраль*); 4) слова, косвенно отсылающие к какому-либо хронологическому периоду (общие – *древность, будущее*; конкретные – *опричнина, революция*).

Наибольшее количество обозначений времени наблюдается в тексте М.В. Ломоносова; здесь преобладают слова, называющие дни недели и месяцы, числовая датировка годов представлена в меньшей степени. Это связано с высокой степенью временной концентрированности событий и дневниковым характером изложения: М.В. Ломоносов описывает события, происходившие в дни стрелецких бунтов. Нужно сказать, что текст М.В. Ломоносова отличается высокой степенью временной дифференцированности и четкостью референции.

Далее по количеству временных обозначений следует текст Н.М. Карамзина, но в данном тексте напротив преобладают слова второй и третьей групп, отсылающие к определенному историческому периоду или событию, и практически не встречается точных датировок. Поэтому можно сделать вывод о том, что для автора, вероятно, важно не столько установить точную дату, сколько выстроить модель происходящего относительно общей событийной канвы, соотнести события и тем самым выявить их взаимосвязанность. С одной стороны, числовое обозначение даты является более точным, но с другой – число обладает более абстрактной семантикой и вызывает значительно меньше ассоциаций, поэтому смысловое наполнение лексических единиц, обозначающих события, значительно больше по объему, конкретнее. Определение времени одного события через соотнесенность с другим предполагает некоторое моделирование восприятия, автор как бы «вписывает» происходящее в другую понятийную область, заставляет посмотреть на него через призму хронологически близких. Дело в том, что числовая датировка представляет своего рода вторичный тип обозначения времени, первичным является сохранившийся в традиционных обществах способ обозначения времени через событийную канву, т.к. категория времени на конкретно-чувственном уровне воспринимается в первую очередь через происходящие изменения. В. Руднев справедливо отмечает: «Жизнь человеческого сознания, представленная в виде событий, есть не последовательность событий, а *система* событий. <...> Хронология лишь частный способ изложения системы событий. Система событий *в целом* задается господствующей в культуре моделью исторического времени, и *каждый раз* тем, кто описывает конкретную систему событий» [8. С. 233].

Текст И.И. Голикова – третий по количеству временных обозначений, но именно в нем наблюдается

самое большое количество числовых датировок по годам (18). Здесь практически не встречается косвенных отсылок к историческим событиям и периодам, что, безусловно, свидетельствует о большей фактографической точности текста. Для этого автора представляется важным установление точных временных рамок событий, апелляция к рациональному мышлению, самостоятельному выводу о соотношенности событий. Использование для обозначения хронологии событий числового ряда – показатель высокого уровня абстрактного мышления, так как в этом случае воспринимающий должен совершить двойную работу по раскодированию информации о времени: актуализировать знания о линейной числовой системе обозначений и соотнести число с событийной системой. В этом случае моделирование системы событий как фоновых и основных оказывается невозможным, читатель должен сам ранжировать события по степени их значимости, опираясь на собственные умозаключения.

В тексте М. Щербатова представлено наименьшее количество обозначений времени, при этом точная датировка используется крайне редко, более частотна косвенная хронологизация общего характера (*древность, давно*) и обозначение временных отрезков, что позволяет говорить о невысокой степени хронологической точности этого текста. Автор тоже пытается моделировать систему событий, но не относительно некоторого фона, а по отношению к линейной временной шкале, не имеющей определенных границ: прошлое – настоящее – будущее.

Единицы, относящиеся к группе «Числа», чаще употребляются в тексте М.В. Ломоносова, что еще раз подчеркивает высокую степень его фактографичности. Примерно равное количество числительных в текстах Н.М. Карамзина и И.И. Голикова. На последнем месте по количеству числительных находится текст М. Щербатова.

Итак, результаты анализа позволяют сделать вывод: более фактографичным по указанным показателям является текст М.В. Ломоносова, близок к нему по этому показателю текст И.И. Голикова. Ранее мы говорили о том, что именно этот параметр является одним из основных для определения степени научности историографического текста. Как можно убедиться, этот показатель высок в текстах как столичных (М.В. Ломоносов), так и провинциальных (И.И. Голиков) историографов. Текст Н.М. Карамзина представляет собой другой тип презентации информации, и это особенно ярко проявляется в отношении моделирования передачи времени. Такой тип передачи носит скорее литературный характер, хронологизация в нем осуществляется за счет референции к другим историческим событиям и явлениям, вследствие чего выстраивается событийная система, характерная для построения литературного произведения, где существует противопоставление *фабулы* (хронологического порядка событий) и *сюжета* (значимого для автора порядка событий) [8. С. 230–233]. Текст М. Щербатова в этом аспекте представляется наименее фактографичным, так как содержит в основном общие отсылки к продолжительным хронологическим периодам.

Второй составляющей информационного поля текста, как уже говорилось выше, является характер цита-

ции – привлечение других информационных потоков для аргументации в тексте. Цитаты привлекаются с разными целями: для подтверждения позиции автора, опровержения мнения оппонента и т.п. Отношение автора к цитируемой информации позволяют определить языковые конструкции, вводящие цитату. В качестве единицы анализа (цитаты) мы принимаем два способа использования текста, принадлежащего другому автору: 1) *цитация прямая* – чужая речь приводится непосредственно, дословно и заключается в кавычки; 2) *цитация косвенная* – чужая речь приводится не дословно, пересказывается автором текста, но указывает автор информации.

Наибольшее количество имен ученых упоминается в тексте И.И. Голикова, что свидетельствует об активном привлечении к формированию системы аргументации информационных потоков научного характера. В этом тексте встречается самое большое количество цитат (72), и может быть выделено несколько видов цитации:

– цитация прямая с указанием автора и источника (*Г. Штелингъ въ любопытныхъ и достопамятныхъ Сказаніяхъ о Петре Великомъ, С. 344*);

– цитация с указанием автора, который, в свою очередь, является указанием на текст (*Истину Павелъ Св. пишетъ*);

– цитация с указанием автора, но без указания источника (*Двумъ духовникамъ своимъ Царевичъ о желаніи своемъ скорой смерти родителю своему на исповеди объявилъ*).

Нужно отметить, что подавляющее большинство цитат в тексте И.И. Голикова относится к первому типу и совпадает с современным типом цитации в научном тексте. Последний тип не является цитацией, его можно рассматривать как псевдоцитацию – прием драматизации повествования. Цитирование без указания на источник информации оживляет повествование, но не является условием достоверности. На основании того, что большая часть цитат в тексте И.И. Голикова имеет указание на источник, можно сделать вывод о том, что данный текст не только является фактографически обоснованным изложением событий, но автор выстраивает целостную систему аргументации на основании привлечения других источников информации, анализирует мнения других ученых и именно на этой основе делает выводы.

Через цитацию в тексте можно определить информационные потоки, влияющие на формирование текста. Во-первых, это основной цитируемый текст или текст-оппонент, ради ответа на который создает свое исследование И.И. Голиков, а именно *«переводъ одной книги, напечатанной въ 1730 году въ Стокгольме на Немецкомъ языке. Авторъ оной былъ Шведскій офицеръ Филипъ Иоганъ Страленбергъ, писавшій ее въ Россіи во время плена своего»*. К тексту-оппоненту примыкают другие источники, содержащие негативную информацию о Петре I и моделирующие образ, который не соотносится с представлениями И.И. Голикова. Во-вторых, это ряд текстов, на которые опирается автор при моделировании позитивного образа Петра. Кроме того, в качестве источника И.И. Голиков привлекает первичные письменные источники: тексты писем самого Петра Великого и его сына Алексея

Петровича. Результатом такого подхода к созданию научного текста является аргументированное опровержение образа Петра, представленное в тексте Страленберга, и создание образа собственного внутри-текстового, объективируемого за счет привлечения большого количества источников.

Текст Н.М. Карамзина содержит около 22 цитат, но в нем нет детализированных ссылок на источник информации, чаще указывается только автор («*Въ Монархii, пишетъ Монтескье: «должно быть хранилище законовъ»*). Такой способ выстраивания аргументации производит впечатление меньшей достоверности, которое усиливается за счет активного использования псевдочитации (*Шуйский изъявляя твердость: «Возьмите венець Мономаховъ, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мне!»*, *говорилъ онъ Москвитянамъ*). Источник подобной информации не указывается, что свидетельствует о литературном способе моделирования описываемой ситуации. С другой стороны, как уже говорилось выше, за счет использования этого приема возникает эффект драматизации – оживление описания, стимулирование эмоционального восприятия текста. Источники информации, которые можно выявить на основе анализа цитации, таковы: французские ученые, французские правоустанавливающие документы (Кодекс Наполеона). Кроме того, в тексте часто встречаются обобщения, где в качестве автора цитаты либо выступают целые народы – метонимический субъект (*сказали имъ Чудь и Славяне*), либо автор цитаты не является человеком – метафорический субъект (*Исторія назвала Минина и Пожарскаго «спасителями Отечества»*). Такой способ представления информации характерен прежде всего для литературного текста.

Текст М.В. Ломоносова не содержит точных цитат – ссылок на источник информации, хотя прием псевдо-

цитации используется автором очень активно (*Стрельцы, бывшие внизу, непрерывно кричали: «Да здравствует наш государь Иван Алексеевич и наш царевич Петр Алексеевич, и да погибнут изменники!»*). По характеру цитации текст М.В. Ломоносова представляет собой скорее художественное освещение событий, нежели научное описание – источники информации выявить невозможно. Единственный источник, на который есть ссылка – это Рукопись «*Истории Российской империи при Петре Великом*» Вольтера 1757 г.». Данный источник заявлен в заглавии произведения М.В. Ломоносова и является текстом-оппонентом.

В тексте М. Щербатова совсем не используются цитаты и ссылки на источники, только псевдочитация («*Государь видя изъ дворца своего торжество въ доме его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: «вотъ какъ Данилычъ веселится»*). Единственный источник информации – сознание автора текста, таким образом, этот текст – свободное изложение авторского видения ситуации, сложившейся в Российской истории, субъективная интерпретация фактов, источник которых не представлен. Достоверность такого текста минимальна и может быть точно определена только культурологическими и историографическими методами.

Анализируя цитацию в текстах, мы уже затронули проблему моделирования восприятия информации и степень субъективности авторского взгляда на излагаемое. Значимым параметром для определения степени ориентации текста на рациональное и эмоциональное восприятие является оценка, выражаемая с помощью оценочных прилагательных и существительных. При проведении контент-анализа были выделены еще две категории: **рациональная оценка** и **эмоциональная оценка**.

Представленные в табл. 2 результаты анализа показывают следующее распределение оценочности в текстах, %.

Таблица 2

Группа	Карамзин	Голиков	Ломоносов	Щербатов
Рац. оценка	6,894	9,292	6,483	8,515
Эмоц. оценка	2,254	1,742	2,406	2,631
Сумма	9,148	11,034	8,889	11,146

Несмотря на то, что во всех текстах уровень рациональной оценки превышает эмоциональную, самый высокий показатель наблюдается в тексте И.И. Голикова. Степень оценочности этого текста вообще довольно высока, что свидетельствует о его аналитическом характере. Эмоциональная оценка превалирует в тексте М. Щербатова, который включает такие единицы как, например, *пожирающий, пронырливый, дакальщик, дурак* и т.п., свидетельствующие о субъективности авторской позиции. В текстах Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова количество рациональной и эмоциональной оценок приблизительно равно, но при этом невысок уровень рациональной оценки.

Таким образом, анализ вышеуказанных параметров позволяет сделать выводы об информационных полях анализируемых текстов.

1. Информационные поля представленных текстов не совпадают и оказываются смещенными относительно

друг друга. Наиболее фактографичными и научно достоверными по указанным показателям являются тексты М.В. Ломоносова и И.И. Голикова.

2. По составу и характеру цитации, выстраиваемой системе аргументации наиболее полным и достоверным представляется информационное поле текста И.И. Голикова.

3. По критерию рациональной аналитичности наиболее показательным является текст И.И. Голикова. Тексты Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова сочетают в себе черты аналитичности и публицистичности. Текст М. Щербатова при общем высоком уровне оценочности тяготеет к эмоциональному воздействию на читателя.

Коммуникативная организация текстового пространства – еще один параметр, позволяющий оценить субъективные психологические установки автора текста. Аспекты коммуникативной организации могут быть выявлены через соотношение в тексте *местоиме-*

ний (личных, притяжательных, указательных, определительных), а также *противительных союзов*. Названные единицы являются маркерами индивидуального стиля автора, их использование специфично и позволяет выявить глубинные семантические категории.

Мысль о том, что индивидуальность авторского стиля проявляется не столько в использовании очевидных лексических или фразеологических маркеров, сколько в специфике употребления общеязыковых форм, возникает в начале XX в. и успешно разрабатывается при решении задачи авторизации текста. Поиски решения проблемы авторизации приводят к выработке количественных методик обработки текста в области психолингвистики и определению психологических параметров личности автора [9. С. 12]. Например, количественный анализ личных местоимений позволяет определить специфику моделирования автором коммуникативной ситуации, способ авторского взаимодействия с читателем, так как семантика личных местоимений ориентирована на передачу информации об участниках коммуникативного акта. Личное местоимение первого лица единственного числа и притяжательное местоимение *я, мой* – это всегда способ самопрезентации автора, реализующий категорию *эксклюзивности* – направленности говорящего на себя [1. С. 273]. Личные местоимения второго лица единственного и множественного числа и притяжательные местоимения *ты, твой, вы, ваши, Вы* – это обращение к адресату, второму полноценному участнику коммуникации, привлечение внимания к коммуникативному акту. Вместе они составляют семантику *личной коммуникативной сферы*, которая реализуется в тексте в виде личного местоимения первого лица множественного числа и притяжательного местоимения *Мы, наши* [1. С. 278]. Включение адресата в личную сферу говорящего является одной из форм моделирования объективного характера информации – репрезентируемая в

тексте мысль принадлежит уже не личности, а «коллективу» и является совместной, а следовательно, более объективной. Именно этот аспект семантики местоимения ведет к тому, что оно в настоящее время является нормативным для научного стиля речи, используемого при продуцировании научных текстов.

Употребление местоимений второго лица маркирует коммуникативную активность автора, так как привлекает внимание собеседника наряду с употреблением указательных местоимений, выполняющих дейктическую функцию. Таким образом внимание адресата фокусируется, направляется на определенный фрагмент реальности.

Местоимения третьего лица единственного и множественного числа *он, она, они* маркируют объект речи, не входящий в личную сферу говорящего, то, что является чужим. Как правило, частотность употребления этих местоимений также свидетельствует о дейксисе [1. С. 275].

Противительные союзы говорят о специфике моделирования передачи информации: автор не просто предлагает некоторый тезис, но оформляет его как антитезис по отношению некоторому факту, тексту, существовавшему до момента речи. Автор выстраивает свою речь как оппозицию, и в этом проявляется такая категория, как *конфликтность* текста, которая тесно связана с категорией *категоричности*, проявляющейся в употреблении определительных местоимений *все, всякий, любой* и отрицательных местоимений *никакой*, имеющих противоположную семантику неопределенного и нулевого множеств. Чем выше частотность определительных местоимений, тем выше уровень категоричности текста, что свидетельствует о негибкости коммуникативных и интеллектуальных установок автора.

Проведенный анализ позволил установить следующее распределение указанных единиц в текстах, %.

Таблица 3

Группа	Карамзин	Голиков	Ломоносов	Щербатов
Я	0,224	0,941	0,166	0,492
Вы	0,104	0,110	0,071	0,027
Ты	0,040	0,169	0,071	0,043
Мы	1,551	0,518	0,556	0,146
Они	2,678	5,702	5,927	5,171
Прот. союз	1,591	2,052	1,041	2,350
Указ. мест.	2,311	5,762	3,514	3,593
Все	0,890	1,599	1,136	1,162

Как можно убедиться, наибольшая частотность местоимений *я, ты/Вы* наблюдается в тексте И.И. Голикова, местоимение *Мы* более частотно в тексте Н.М. Карамзина, *они* – в тексте М.В. Ломоносова.

Полагаем, что подобное соотношение может быть проинтерпретировано следующим образом. Для И.И. Голикова очень важна организация коммуникативного пространства собственного текста: реализация личностной сферы и внимание собеседника, поэтому наряду с частотностью местоимения 1-го лица наблюдается высокая частотность местоимений 2-го лица. Автор привлекает внимание к содержанию сообщения, об этом свидетельствует и столь же значительная частотность указательных местоимений, поэтому мы можем назвать коммуникативную позицию автора в этом

тексте дискурсивно активной, он последовательно и уверенно выражает свое мнение. Высокая частотность противительных союзов говорит о диалогическом выстраивании текста, некоторой его конфликтности, оппозиционности, что подтверждается заглавием текста и результатами предыдущего анализа. Но, помня о высоком уровне рациональной оценки в тексте, мы можем назвать этот конфликт научным, рациональным.

Текст Н.М. Карамзина характеризуется высокой частотностью местоимения *мы*, остальные показатели не столь значительны. Это говорит о спокойной, ровной позиции автора, он уверен в своей личной сфере и репрезентирует ее через видение объекта описания. Он не столько стремится направлять внимание собеседников на интересующие его факты через указание, сколь-

ко пытается вовлечь их в сферу своей мысли, приблизить к порождению совместного концепта. Об этом свидетельствует и относительно высокая частотность местоимения 2-го лица. Низкая частотность определительных местоимений выступает как маркер коммуникативной гибкости автора – текст создает впечатление открытости для коммуникации.

В тексте М.В. Ломоносова наиболее частотно местоимение 3-го лица, что может свидетельствовать о направленности внимания автора на объект описания, а не на коммуникацию, об этом же говорит низкая степень частотности других личных местоимений, противительных союзов и определительных местоимений.

Текст М. Щербатова отличен от предыдущих, в первую очередь, по количеству противительных союзов, что говорит о высоком уровне его конфликтности, еще один показатель которой – категоричность автора, проявляющаяся в высокой частотности указательных местоимений. Но в отличие от И.И. Голикова М. Щербатов не моделирует коммуникативную ситуацию: его коммуникативная активность (местоимения 2-го лица) и уровень совместности (местоимение 1-го лица мн. ч.) крайне низки. Последний показатель в 10 раз меньше, чем у Н.М. Карамзина. Принимая во внимание высокий уровень эмоциональности в тексте, мы можем сделать вывод о том, что автора интересует в первую очередь реализация собственной эмоциональной сферы, внутренний эмоциональный конфликт, который он стремится разрешить путем продуцирования научного текста.

Таким образом, анализ субъективных установок авторов на выстраивание коммуникативной ситуации показывает, что наиболее отстраненным повествователем, не вступающим в дополнительные коммуникативные отношения с читателем, является М.В. Ломоносов. Н.М. Карамзин выстраивает коммуникативное пространство своего текста как совместное с читателем поле деятельности. И.И. Голиков наиболее дискурсивно активен, так как желает быть услышанным, стремится донести до читателя значимую информацию. Коммуникативная модель в тексте М. Щербатова свидетельствует о его конфликтной установке при активной самопрезентации.

Итак, проведенный анализ подтверждает предположение о том, что провинциальная историография (в ча-

стности, в лице И.И. Голикова) становится во второй половине XVIII в. полноправной участницей превращения исторических знаний в науку. Она не может быть сведена к краеведению, так как проблематика работ провинциальных историков значительно шире. Это не только «местные истории», но и попытки заглянуть в наиболее значимые с их точки зрения события общерусского масштаба. Об этом свидетельствуют и результаты контент-анализа: информационное поле текста И.И. Голикова не уступает в степени информативности и достоверности текстам столичных историографов.

В работах провинциальных историков нашли отражение массовые представления о прошлом. Но специфической чертой провинциальной историографии являлось то, что для провинциальных историков характерно было чувство некоторой социальной неполноценности, связанное, очевидно, с отсутствием упорядоченного образования и своеобразным провинциализмом. Они, как правило, принадлежали к числу непрофессиональных историков, получивших домашнее образование и самостоятельно развивших свой интерес к истории. Вместе с тем результаты проведенного анализа подтверждают, что провинциальная историография второй половины XVIII в. если и уступала «большой», имперской, то лишь в мастерстве интерпретации источников и в применении приемов их исследования. Она отличалась широтой и разнообразием привлекаемых материалов.

Таким образом, на основании всего проведенного анализа можно сделать вывод о том, что использование междисциплинарного подхода к анализу историографического источника позволяет выявить различные уровни информационного моделирования в тексте: представление объективной информации и передачу субъективных смыслов. Данные методики делают возможным выявление глубинной семантики, передающей информацию об авторе текста. Проведенный анализ позволяет также сделать вывод о том, что применение междисциплинарных методов расширяет возможности историографического исследования и приводит к мысли о том, «чисто историческое» исследование сегодня невозможно: в области нарратива историк оказывается связан с лингвистическими методами, методами текстологического анализа, без которых работа с текстовыми источниками не может быть эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Можяева Г.В., Котляров А.Н. У истоков провинциальной историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета: Вып. 3: Серия: Правоведение. История. Томск, 1997.
3. Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Историко-лингвистический анализ в изучении русской историографии второй половины XVIII века // Гуманитарная информатика: Сб. статей. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 97–112.
4. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988.
5. Петров В. История о квазиистории. Режим доступа: <http://fatus.chat.ru/sc&kvazy.html>, свободный. Загл. с экрана.
6. Ившин А.А. Основания логики оценок. М., 1971.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
8. Руднев В. Феноменология события // Логос. 1993. № 4. С. 226–239.
9. Батов В.И. Другому как понять тебя? М.: Знание, 1991.

Статья представлена кафедрой общего славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 15 июня 2006 г.